Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

№ 45-й Томскъ, 7-го Ноября 1909 года Годъ 2-й

Подписка принимается: 1) въ Конторѣ Редакціи (Подгорный пер.) и 2) въ Подъ-Отдѣлахъ Союза Русскаго Народа. Статьи, доставленныя въ редакцію, должны быть за подписью автора и указаніемъ полнаго адреса.

Плата за объявленія: за строку петита впереди текста—20 к., позади текста—10 коп.
При многократныхъ заказахъ—скидка по соглашенію.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:
На 1 годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. — к.
На 6 мѣсяцевъ „ „ 1 „ 50 „
На 3 мѣсяца „ „ — „ 75 „
На 1 мѣсяцъ „ „ — „ 25 „

Цѣна отдѣльнаго № 5 коп. ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА. Цѣна отдѣльнаго № 5 коп.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ Воскресенье, 8 ноября, въ 1 ч. дня, въ помѣщеніи бывшей Церковно-учительской школы (Почтамтская улица), имѣетъ быть очередное собраніе членовъ Томск. Губ. Отдѣла С. Р. Н.

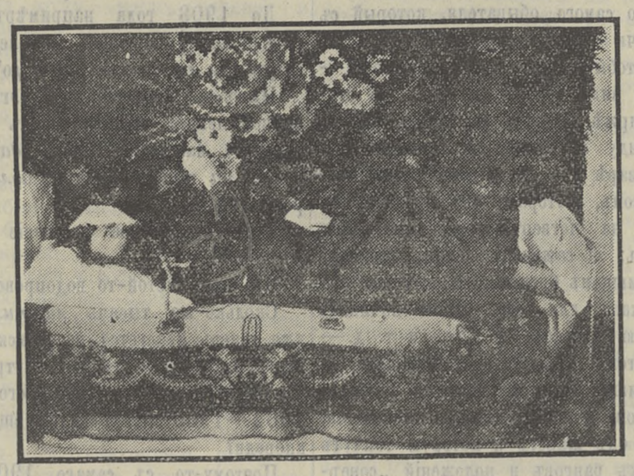
По случаю полугодового дня со времени кончины Іеромонаха о. Игнатія имѣетъ быть совершена Литія.

Предметы занятій: бесѣда и текущія дѣла.

Совѣтъ Отдѣла.

†

Упокой, Господи, душу Твою!



Звѣрски замученный Іеромонахъ о. Игнатій **Членъ Союза Томскаго Губернскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа, завѣдывавшій Томской церковно-учительской школой, смѣлый борецъ-патріотъ,** предательски задушенъ въ своей келліи, въ ночь съ 8 на 9 Мая 1909 года, воспитанниками церковро-учительской школы **Герасимомъ Юриновымъ** и **Григоріемъ Куиновымъ,** напавшими сзади во время просмотра о. Игнатіемъ вѣдомости по хозяйственной части школы, которая послужила предлогомъ прихода ихъ къ покойнному.

О. Игнатій пользовался большой популярностію, какъ духовный проповѣдникъ и неутомимый борецъ-патріотъ за идею Православія, Самодержавія и Русской національности.

Миръ праху твоему, безвременно погибшій мученикъ отъ руки облагодѣтельствованныхъ тобою звѣрей во образѣ человѣка.

Памяти мученика Іеромонаха о. Игнатія.

Сегодня исполнится полугодовщина со времени мученической кончины члена Томскаго Отдѣла С. Р. Н., бывшаго товарища предсѣдателя Совѣта этого Отдѣла и редактора „Сибирской Правды“ о. Игнатія (Дверницкаго).

Время удивительно быстро идетъ, но таковое ничуть несглаживаетъ боль сердечную по убіенномъ о. Игнатіѣ. Намъ, хорошо его знавшимъ, какъ сейчасъ представляется его фигура, съ твердою поступью и громкимъ отчетливымъ голосомъ. Мы какъ сейчасъ его видимъ передъ собою: въ черной рясѣ, всегда чистой и опрятно надѣтой, съ священническимъ крестомъ на цѣпи черезъ шею и, непремѣнно, съ знакомъ С. Р. Н. на груди, укрѣпленномъ на бантѣ изъ ленты національныхъ цвѣтовъ.

О. Игнатій носилъ означенный значекъ всегда и, такъ сказать, выдѣлялся изъ среды своихъ членовъ, которые этотъ значекъ не носятъ —то изъ боязни насмѣшекъ лѣвой революціонной братіи, то изъ опасенія передъ своимъ начальствомъ, то по инымъ причинамъ (забывчивости и т. п.). Намъ постоянно значекъ—о. Игнатія представлялъ собою несокрушимаго борца за Вѣру, Царя и Отечество, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ же значекъ былъ своего рода мишенью для стрѣльбы изъ браунинга революціонерамъ, окружавшимъ его днемъ и ночью. Пишущему эти строки не разъ приходилось слышать насмѣшливое замѣчаніе со стороны почитателей революціонеровъ о томъ, что значекъ С. Р. Н. представляетъ собою, прекрасную мишень для цѣли!....

Покойный о. Игнатій получилъ нѣсколько угрожающихъ писемъ, которые онъ показывалъ своимъ близкимъ знакомымъ, какъ напр., г.г. К. и Д.—Эти, лица откровенно предупреждали его—быть осторожнѣй и ночами никуда не выходить, а у себя на квартирѣ окружать вполнѣ преданными людьми. Но онъ къ этому относился съ усмѣшкой, нисколько не выражая боязни за смерть.

Подобное его отношеніе къ предупрежденіямъ еще болѣе обозляло, надо полагать, революціонеровъ.

За мѣсяцъ, если не больше, въ народѣ носились слухи, „что о. Игнатія хотятъ убить“. Но какъ и гдѣ убить? Это было для замышлявшихъ преступленіе очень серіозный вопросъ. Если его убить въ банѣ (Дистлера) куда онъ ходилъ для мытья (такъ надо полагать думали они), то народъ остервенится на жидовъ и можетъ сдѣлать форменный самосудъ; если же убить на улицѣ, то будутъ замѣшаны здѣшніе освободители, которыхъ народъ точно также знаетъ каждаго въ лицо и, слѣдовательно, не приминетъ устроить опять-таки судъ Линча.

И, конечно, послѣ многихъ, сужденій, злоумышленниками было рѣшено—убійство совершить инымъ путемъ, такимъ, чтобы убійство это состоялось безошибочно, вѣрно; но въ то же время не было бы никакого подозрѣнія ни на кого изъ томскихъ революціонеровъ. Планъ созданъ мастерски, быть можетъ надъ нимъ работали не одну ночь въ подземной комнатѣ, освѣщаемой электричествомъ, и не иначе какъ при помощи спеціалистовъ врачебнаго дѣла, это даетъ понять самая обстановка убійства и слѣды сокрытія таковаго.

Въ этомъ №-рѣ печатается оттискъ съ фотографическаго снимка покойнаго, на коемъ онъ изображаетъ изъ себя потрясающую картину для каждаго глубоко вѣрующаго христіанина. О. Игнатій умиралъ въ сознаніи и хотѣлъ осѣнить себя крестомъ, но... такъ рука его и закоченѣла!—Это съ одной стороны созерцаніе, а концы веревки, отвисшіе съ шеи на кровать—ужасъ картины дополняютъ.

Не даромъ же жиды и лица освободительнаго движенія отъ этой Фотографіи были въ растроенномъ положеніи цѣлые мѣсяцы, ругая фотографа за сдѣланный имъ снимокъ, и не соглашаясь выпустить почти совсѣмъ сдѣланное клише!

О послѣднемъ обстоятельствѣ въ нашей газетѣ было своевременно отмѣчено (см. № 22). Но по отношенію фотографа мы молчали до сего времени. Между тѣмъ намъ очевидцы передавали, что нѣкоторые изъ жидовъ приходили къ фотографу съ упреками и говорили: „Пхэ, пхэ!.. И зачѣмъ ви таково сквернова карточка снимали?!“

По своеобразному понятію „благородныхъ евреевъ“ и востокулистовъ освободителей карточка не должна была имѣть мѣста нигдѣ, а особенно въ публичномъ мѣстѣ; но за то карточки и художественныя картины о погромѣ 1905 года, какъ и разныя порнографическія карточки, имѣются по всюду и на самыхъ бойкихъ—людныхъ мѣстахъ!!

О вкусахъ, говорятъ, не спорятъ. Хороши же вкусы и убѣжденія у жидовъ и ихъ прихвостной—красноглазыхъ освободителей!

Виновные въ задушеніи о. Игнатія, его приближенные и облагодѣтельствованные ученики, Юриновъ и Куиновъ арестованы своевременно, и скоро должны судиться, понести заслуженную кару. Однако понесутъ ли они таковую? Это еще вопросъ, т. к. лѣвая печать, начиная съ издающагося въ Питерѣ журнала „Сибир. Вопросы“—яро и даже пошло выступили на защиту убійцъ: по ихъ мнѣнію о. Игнатій не только заслуживалъ смертнаго приговора, но даже и тѣ пытки, кои надъ нимъ были совершены!?

Такой выводъ лѣвой печати, высказанный публично, безъ стѣсненія, —даетъ намъ право, также публично, сказать, что всѣ эти освободители заслуживаютъ одинаковую кару съ привлеченными къ суду двумя лицами. Кровь покойнаго остается не только на самихъ убійцахъ, но на подстрекателяхъ, укрывателяхъ и попустителяхъ. Душа умершаго въ селеніи Праведниковъ непрестанно будетъ взывать къ Творцу Вселенной о сугубомъ наказаніи виновныхъ, если не на этомъ свѣтѣ, то въ будущемъ...

Томскіе Союзники потеряли стойкаго соратника въ сраженіи съ атеистами и анархистами; но, вмѣстѣ съ тѣмъ самое событіе должно ихъ еще болѣе сплотить и они должны еще смѣлѣе выступить на борьбу съ врагами—Православія, Самодержавія и Русскаго народа.

Когда вѣсть объ убійствѣ о. Игнатія дошла до другихъ отдѣловъ, С. Р. Н., то они не только служили панихиды и молились о новопреставленномъ мученикѣ, а даже посвящали ему сердечные отзывы въ печати, изъ коихъ у насъ нѣкоторые еще не были напечатаны, а потому ниже помѣщаемъ.

За симъ, къ сокрушеннымъ сердцемъ просимъ Господа Бога упокоить душу мученика О. Игнатія. Да будетъ ему вѣчная память и Царство Небесное. *Союзникъ.*

Digital Library (repository)
of Tomsk State University
http://vital.lib.tsu.ru

Отзывъ газеты „Сусанинъ“ о смерти мученика о. Игнатія.

Въ ночь на 9-е мая въ Томскѣ мученически скончался товарищъ предсѣдателя Томскаго Отдѣла „Союза Русскаго Народа“, завѣдывавшій церковно-учительской школой, кандидатъ богословія, іеромонахъ Игнатій. Изъ полученныхъ нами изъ Томска извѣстій выясняются слѣдующія подробности этого гнуснѣйшаго и безпримѣрнаго убійства.

Въ 11 часовъ ночи къ о. Игнатію въ квартиру вошли два ученика его школы, при чемъ заперли за собою дверь. Такъ какъ о. Игнатій завѣдывалъ, помимо учебно-воспитательнаго дѣла, и хозяйственной частью школы, то къ нему ученики принесли вѣдомость по этой хозяйственной части для просмотра. Ничего не подозрѣвая худого, всегда отечески — предупредительно относившійся къ ученикамъ, о. Игнатій принялъ ихъ и взялъ для прочтенія вѣдомость. Когда онъ читалъ, ученики-звѣри внезапно набросились на него, повалили на полъ, придавили колѣнами грудь, а руками шею, послѣ чего накинули на шею петлю и, упершись ногами въ грудь, изъ всѣхъ силъ затянули петлю. Борьба была не долгая, палачи исполнили свою работу—о. Игнатій почилъ вѣчнымъ сномъ. Сила давленія была такъ велика, что позвонки шейные оказались сломанными. На утро городъ, какъ молнія, быстро облетѣла ужасная вѣсть. Забушевалъ грозно народный гнѣвъ. Ученики задержаны и сознались. Народъ думаетъ, что ученики, будучи сами бездушными звѣрями, являются, въ тоже время, орудіемъ другихъ силъ—темныхъ и кровожадныхъ. Волненіе въ народѣ необычайное, т. к. о. Игнатія—безкорыстнаго народнаго дѣятеля — зналъ весь городъ и вся губернія. Возмущаетъ всѣхъ — необычайная жестокость убійцъ, ихъ утонченное звѣрство, соединенное съ трусостью и предательствомъ. Они не просто и открыто напали, а вошли смиренно и предательски отвлекли вниманіе о. Игнатія.

Бывали гнусныя убійства, какими прославили себя русскіе революціонеры-освободители, но, кажется, ничего болѣе гнуснаго и омерзительнаго еще не знавала и революція. Здѣсь уже предѣлъ низости,—въ этомъ сочетаніи предательства, безсердечности, злобы и звѣрства. И такіе изверги готовились въ учителя: и учились на церковно-народный счетъ! Рука ихъ поднялась на своего учителя и, вмѣстѣ, на пастыря, служителя церкви! Страшныя времена! Однако, кто же соучастники и подстрекатели? Народное мнѣніе ихъ укажетъ, судъ Божій и народный найдетъ ихъ!

—.—

Въ томъ же № „Сусанина“ было еще напечатано слѣдующее::

13 мая, въ 7 часовъ вечера въ присутствіи переполнившихъ редакцію газеты „Сусанинъ“ членовъ совѣта Красноярскаго „Союза Р. Народа“ и другихъ „союзниковъ“ была о. предсѣдателемъ отслужена панихида по злодѣйски убитомъ въ г. Томскѣ о. Игнатіи—товарищѣ предсѣдателя Томскаго отдѣла „Союза Р. Народа“. Пѣли всѣ присутствовавшіе. Были произнесены рѣчи. Вѣсть о злодѣйскомъ убіеніи молодого, талантливаго, энергичнаго инока-патріота вызвала необычайное волненіе среди „союзниковъ“ и чувства негодованія, омерзенія къ убійцамъ и подстрекателямъ.

Томскъ, 7 ноября 1909 г.

Къ предстоящимъ городскимъ выборамъ.

Дѣятельность Томскаго Городскаго Общественнаго управленія за 1902—1905 г.г.

(Продолженіе*).

Любопытные доклады представлялись „отчаянно культурной“ управой и принимались „совершенно-прогрессивной“ Думой. Какъ докладъ или отчетъ, такъ и барышъ!

Напримѣръ, хоть-бы о доходѣ съ лѣсного хозяйства:

Въ зиму 1904 года нарублено было *въ своихъ* дачахъ 1400 сажень дровъ (т. е. вѣрнѣе сказать *погублено* было болѣе *сорока* десятинъ березнику, 20 лѣтъ рощеннаго старыми управами); рубка и возка на мѣсто въ городѣ стоили всего по 1 р. 40 к. за сажень, а по отчету дрова показаны по 4 р. 75 к., т. е. базарной цѣной!

Это съ самихъ-то себя?

— Ну и барыши!

А съ редиски и укропу на Басандайской *фермѣ*, да съ *оранжереи*, да еще съ десяти грядъ культивированной крапивы подъ горой, подъ церковью, сколько взяли барыша?

— Я вотъ что-то призапамятовалъ.

Гнилую картофель вотъ, которую выкапывали на этой *фермѣ* въ сентябрѣ и октябрѣ и развозили по своимъ богадѣльнямъ *карманами*, совершенно серьезно называя эти карманы въ отчетахъ мѣшками,—эту я помню, помню потому, что шелъ какъ-то по Солдатской улицѣ мимо Королевской богадѣльни часа въ 4 вечера, такъ сидѣвшіе на скамеечкѣ убогіе богадѣленскіе старички попросили у меня „на хлѣбецъ“....

— Что Вы, дѣдки, говорю, зачѣмъ вамъ на хлѣбецъ, когда Вы пріютены, обуты, накормлены и въ теплѣ?

— И, батюшка, прошамкалъ одинъ изъ старцевъ—поѣлъ-бы ты нашей-то картошечки!

— А что?

— Да какъ сварятъ, такъ она, матушка, одна вода въ шелухѣ,—зеленая такая, заморожева должно была!

А вѣдь по отчету-то тоже была засчитана никакъ по 45 или по 50 коп. *за мѣшокъ!*

А на базарѣ-то въ ту осень (1905 г.) картофель продавалась отъ 30 до 40 к. за дѣйствительный *мѣшокъ, а не за карманъ!*

— Все барыши.

До какой степени безцеремонности доходили „отчаянно культурная“ управа, видно ужъ изъ того, что уже къ 8-му Августа 1903 года, т. е. чрезъ полтора только года служенія у этой управы былъ недочетъ въ 147,941 р. 79 коп.!

Перерасходъ по смѣтѣ за одинъ только 1903-й годъ получился въ 137,562 р. 93 копѣйки *кромѣ* 30,000 р. излишнихъ поступленій!

Да въ предъидущемъ 1902 г. (въ первый-же годъ служенія) устроенъ дефицитъ въ 95,000 руб.!!!

— По истинѣ энергія *„отчаянная“*...

Правительственной ревизіи будетъ дѣла много.

Свою „культуру“ *эта* управа заявляла самыми разнообразными способами, напримѣръ: одно только *метенье* (самое обыкновенное метенье) одной только базарной площади стоило за четыре года (1902—1905) около 16,000 руб.!!

Ѣду, бывало, въ качествѣ ревизора, за повѣркой рабочихъ лѣтомъ часовъ этакъ въ 7—8 утра, заѣзжаю и на базарную площадь; старикъ Кузнецовъ (десятникъ) во главѣ человѣкъ 16—18 шоркаютъ метлами совершенно чистую площадь, такъ какъ лѣтомъ всего-то бываетъ пріѣзжихъ возовъ 7—10; пылища—Господи-Боже мой!—поневолѣ начинаю чихать.

— Здравія желаю!—ехидно поздравляютъ, подходя ко мнѣ нѣкоторые знакомые торговцы.

— Спасибо, говорю.

— Метете? такъ-же ехидно вопрошаетъ одинъ.

— Да....

— Я вотъ раза по три на недѣлѣ пересѣваю крупу да горохъ отъ Вашего метенья, а масло да медъ, или варенье такъ и открывать нельзя!—уже злится другой.

— Городскія денежки *они* теперь съ площади-то вылизываютъ!—говоритъ въ пространство третій.....

Итакъ меня изводили постоянно. И не могу сказать, чтобы безъосновательно.

— Они были правы!

Ремонтировали улицы, одинъ разъ лѣтомъ 1904 года читаю утромъ росписаніе: ка Кондратьевскую на добычу ефеля 25 человѣкъ рабочихъ...

— Что, думаю, за притча, откуда на Ушайкѣ и „ефель“?

Ѣду, смотрю работа кипитъ, лѣзутъ въ яръ.

Выкидываютъ дресву, отбираю въ руку горсть камешковъ, смотрю,—окатъ бѣлой глины и больше ничего.

Увидавъ потомъ члена управы Свинцова, говорю, что это вовсе матеріалъ негодный, а просто—на просто окатъ бѣлой глины.

— Не Ваше дѣло, былъ отвѣтъ.

Что-же, и вѣрно не мое.

Потомъ, ухлопавши на этотъ „ефель“ нѣсколько сотъ руб. городскихъ денегъ, да придавивши въ шахтѣ еще какого-то рабочаго, которому тоже заплатили за увѣчье, стали возить его на подсыпку Иркутской улицы.

Попало какъ разъ подъ ненастье.

И—о, ужасъ! Три дня, ровно три дня проѣздилъ народъ по этому ефелю и его, даже воспоминанія о немъ не осталось, весь „ефель“ размокъ и раздавился и обратился въ сметано-образную грязь, и что удивительно, хоть-бы одинъ камешекъ уцѣлѣлъ!

Вотъ тебѣ и „ефель“, какъ была во время оно глина, такъ въ глину и обратилась.

Принялись опять сгребать эту грязь, да возить своей рабочей командой на вѣчное успокоеніе на конный базаръ!

Влетѣла городу эта перевозка грязи съ мѣста на мѣсто не въ одну тысячку рубликовъ.

А въ Августѣ и Сентябрѣ во время маловодья Томи, Томская галька съ островковъ противъ города (почти у самаго берега), сама просится въ городъ на улицы.

Отъ старой управы (1898/1901 г. г.) остался запасъ Томской гальки у Знаменской церкви (160 кубовъ), такъ его добросовѣстно утилизировали весь, сами навозить не то—что въ запасъ, но и на текущую надобность, не пожелали, находили лучше, какъ выше сказано, переваживать грязь съ мѣста на мѣсто.

Въ концѣ Сентября 1904 года по Бѣлозерскому переулку запылила тиной съ горы и потомъ промерзла даже поверхъ закрыши канала (закрытая); поставлено было (и работало здѣсь недѣль около двухъ) 18—20 рабочихъ долбить, очищать эту канаву. Пріѣзжаю гляжу: долбятъ кайлами эту замерзшую наплывь.

Ударитъ это рабочій кайлой, получится точь въ точь такая-же звѣздочка, какая получается, когда 16—17 лѣтняя гимназисточка кушаетъ яйцо въ смятку,—чикнетъ это ложечкой по яичку и получится звѣздочка. Такъ-же и тутъ.

Между тѣмъ я еще въ предшествовавшемъ году, не то-что словесно, а даже письменно (кажется даже я въ ревизіочной книгѣ записывалъ) докладывалъ управѣ, чтобы всѣ эти поперечныя канавы на Пескахъ раскрыть и вмѣсто глухой закрыши, покрыть деревянными рѣшетками,—и гніенія-бы не было, да и каждый обыватель видѣлъ-бы, когда противъ его дома станетъ почему-нибудь канала заплывать, вынулъ-бы ставень да и очистилъ-бы ее самъ въ 10 минутъ, безъ всякаго содѣйствія и расходовъ городской управы.

И расходъ-то на сдѣланіе и укладку рѣшетокъ былъ-бы единовременный рублей 500—600.

Такъ говорятъ—Ваше дѣло повѣрять рабочихъ!

А за 4 года (1902—1905) издержали на вскрытіе, очистку и закрытіе, но, снова раскрытіе, очистку и закрытіе и опять..... безчисленно,—больше десяти тысячъ руб.

Можно провѣрить сейчасъ по табелямъ.

Не даромъ, когда въ началѣ 1906 года вступилъ новый городской голова (черносотенскій) Иванъ Максимовичъ Некрасовъ, то въ первый-же мѣсяцъ, 20 числа не было ни копѣйки въ городской кассѣ на уплату служащимъ управы жалованья.

— И погналъ этотъ самый черносотенецъ домой и привезъ свою кубышку для раздачи жалованья!

— Вотъ тебѣ разъ! скажетъ не свѣдущій обыватель,—а гдѣ-же барыши отъ „отчаянно-культурной“ управы?

— А не знаю гдѣ.

Теперь скажу нѣсколько словъ относительно сдачи Бромлею постройки водопровода.

Когда Бромлей вмѣстѣ съ другими конкурентами торговался на постройку водопровода. то за заявленную имъ цѣну наобѣщалъ, что будетъ выполнено все, что потребуется для водопровода, хотя-бы въ смѣтѣ и запискѣ нѣкоторыя части были пропущены. Этимъ обѣщаніемъ онъ убѣдилъ Думу оставить подрядъ за нимъ.

Потомъ *когда конкурентовъ сплавили*, онъ, при составленіи контракта нашелъ предлогъ къ вырѣшенной цѣнѣ набавить девять тысячъ руб., а обѣщанные на торгахъ детальные планы назвалъ работой для учениковъ. *Выговореннаго* на торгахъ (при конкуррентахъ) за неисправность водопровода *штрафа по 100 руб. за каждые сутки* въ договоръ не внесены; такого, напримѣръ, *выговореннаго* обязательства *на торгахъ* (при конкуррентахъ):

„фирма обязана установить при машинахъ арафическій счетчикъ числа оборотовъ, съ цѣлью опредѣлить своевременность усиленія дѣйствій машинъ во время пожара. *За опозданіе двадцати минутъ* платится *неустойка въ пятьсотъ рублей*“....

въ договоръ тоже *не внесено.*

На торгахъ (при конкуррентахъ,) былъ выговоренъ срокъ эксплоатаціи *со дня пріемки* а въ контрактъ *вмѣнили 1 сентября*, т. е. назадъ, за такой переносъ Бромлей получилъ съ города лишнихъ больше *четырехъ тысячъ руб.!*

Затѣмъ при выполненіи подряда Бромлей измѣнивъ объемъ отстойнаго резервуара; отклонивъ паровое отопленіе, не устроилъ электрическаго поплавка на башню и т. д.... безъ конца*).

Всего зла, я, какъ мало посвященный въ это дѣло, разумѣется указать не въ состояніи, это будетъ дѣло правительственной ревизіи, но я здѣсь только спрошу: почему это „отчаянно—культурная“ управа при предъявленіи въ „совершенно—прогрессивную Думу“ выработаннаго съ Бромлеемъ окончательнаго договора, не указала ей на всѣ послѣдовавшія измѣненія устныхъ обѣщаній Бромлея (при конкуррентахъ) съ написаннымъ договоромъ и почему ни одинъ изъ Думскихъ Бебелей и Цицероновъ не обратилъ на это вниманія въ Думѣ?

— Почему не выпроводили этого самого Бромлея по добру по здорову и не вызвали снова конкурентовъ?—Разница во времени получилась-бы только въ 3-хъ—4-хъ недѣляхъ, а для городского кармана *въ двѣсти тысячъ руб.*!

А вѣдь городъ *только отъ заключенія этого договора потерпѣлъ убытку* именно на эту сумму!!

Смѣшно и *обидно* было обывателю читать въ 1906 г. въ № 66 „Сибир. Жиз.“ взаимныя поздравленія 22 марта по поводу пріемки водопровода и телеграммы Братьями Бромлей и А. Макушину.

Въ послѣдней дословно стоитъ:

„А. И. Макушину.—Закончено дѣло Вашей настойчивой, даже отчаянной *) энергіи. Водопроводъ принятъ, преисполненные невыразимымъ чувствомъ признательности и благодарности....“ и т. д.

Любопытно, кто изъ гражданъ г. Томска (не тѣхъ, а другихъ, *настоящихъ*), подписалъ эту телеграмму?

Любопытно очень.

— Надѣюсь, если и подписали, то по своей безпечности и ограниченности, такъ-же какъ подписывали 19 октября 1905 г. извѣстныя 8 пунктовъ постановленія „совершенно—прогрес“. Думы.

Не могъ не расхохотаться, прочитавъ въ 1905 г. предвыборную агитаціонную статью въ № 242 блаженной памяти „Сибирскій Вѣстникъ:“ **)

. . . . . „теперь отъ г.г. гласныхъ, управцевъ, гор. головы, потребуется не одна только практическая жилка съумѣть распорядиться общественной копѣйкой, но потребуется и умѣнье заглянуть подальше этой копѣйки.....“

Вотъ ужъ именно, что правда-то правда, распоряжаться общественной копѣйкой совсѣмъ умѣнья и не потребовалось, ибо *копѣйки* отъ „отчаянно-культурныхъ“ дѣятелей *ни одной не осталось*, а осталось къ 1906 году *„одно заглядыванье“*!!!

Полагаю и ты, обыватель, хохочешь?

— Или, можетъ быть, плачешь?

Понятно, въ этомъ своемъ обращеніи я подразумѣваю *обывателя*, настоящаго обывателя, того самого обывателя, который съ утра до ночи бьется, какъ рыба объ ледъ, для того, чтобы стащить въ Управу грошъ—копѣйку въ видѣ оброка за навку, за стоянку на биржѣ, аренду за какую нибудь землю, аренду за глину, за торговю лѣтомъ на базарѣ или по угламъ улицъ простымъ квасомъ, котораго онъ продаетъ въ день ровно на четвертакъ—а дома семья самъ—шесть; за саженьку земни, заплатой передъ домишкомъ бревешками, которыя онъ тутъ натаскалъ для того, чтобы починить свою ветхую избенку, и т. д. и т. д.—Вотъ къ этому обывателю я обращаюсь и для него пишу, къ этому, предки котораго по или потомъ и кровью каждую пядь земли, на которой онъ живетъ и которую топчутъ ногами всѣхъ ранговъ и положеній „совершенные прогрессисты“, къ этому обывателю, который изъ рода въ родъ, изъ года въ годъ созидалъ и устроялъ городъ, назьмоимѣли, камнемъ-ли, мусоромъ-ли, а все-таки устроялъ, и сейчасъ устроляетъ, устроютъ потной, трудовой своей копѣйкой;—строитъ храмы Божіи, строитъ больницы, *много строитъ больницъ*, потому что „отчаянно-культурные“ городскіе заправилы (сами-же и доктора) порзводили разныя „дизинтеріи“, которыя, въ особенности со времени *умѣлo* проведеннаго водопровода, съ 90⁴/₅ г. ежедневно косятъ народъ почище всякой холеры (куда 1892 годъ!). *) Строитъ этотъ черносотенный обыватель училища, смотря, за эти послѣднія три года, (190⁷/₉) какія два дворца каменныхъ выкаталъ на Магистратской да на Гоголевской (Жандармской) улицахъ,—хоть въ Питеръ на Невскій!

Вотъ къ этому *обывателю* и обращаюсь, а не къ тому, который получая оклады, сидитъ гдѣ нибудь предсѣдателемъ заразъ въ двухъ мѣстахъ и не знаетъ, какъ люди пѣшкомъ по улицамъ ходятъ; не къ тому, который въ разныхъ „плевальницахъ“ по пятачку за строчку строчитъ на городскихъ *черносотенныхъ* дѣятелей разныя небылицы и на православнаго обывателя всякіе „хулиганъ“, „толпа“ „чернь“, „неучи“ и т. д. н. т. д., за то только, что черносотенный управецъ не бѣгаетъ передъ нимъ съ лопатой и не разгребаетъ передъ Е. В. Р. грязь, и на обывателя за то, что тотъ простой своей душой давно уже понялъ, раскусилъ всѣхъ этихъ (и тѣхъ и другихъ) „совершенныхъ прогрессистовъ“, непотошенныхъ своихъ радѣтелей, которые стараются попасть хоть въ какіе нибудь обществ. заправила сами, а потомъ уже отъ имени , якобы, *народа* постараются разумѣется вывести *въ равноправные* и угнетенные племя“, чему серьезная попытка уже была и была именно отъ имени обывателя въ ноябрѣ 1905 г. въ стѣнахъ городской-же управы.

Да какой степени развязности и нахальства доходятъ наши „совершенные прогрессисты“ можно видить изъ статьи въ „Сиб. Вѣстн.“ за 1905 г. № 245, въ которой какой-то, тоже „суруксудъ“, оправдывая свою шайку въ разгромѣ город. кассы, пишетъ:

. . . . . „Что-же касается плохого положенія финансовыхъ дѣлъ . . . . . то причина этого кроется въ общемъ неустройствѣ нашего Государства. . . . . “!!

—Скажите, пожалуйста, *они* разгромили, убили, такъ сказать, городъ, а *Государство* виновато!!!

— Тутъ ужъ, кажется, просто—„сапоги въ смятку“.

Не дуренъ также адресокъ, преподнесенный Ал. Макушину врачами: *) . . . . . „словомъ, все говоритъ за то, что не произойди печальныя и ужасныя событія 20—22 октября, г. Томскъ благодаря *Вашимъ упорнымъ трудамъ*,**) началъ-бы мало по малу освобождаться отъ своего ужаснаго антисанитарнаго положенія. . . . . “!

— А я вѣдь и тутъ тоже самое утверждаю.

— Ей-Богу!

Только вотъ призапамятовали они, что послѣ укладки водопроводныхъ трубъ и закрытія ихъ, безъ заливки известью столѣтнихъ экскрементовъ, напрѣвшихъ гробовъ, сейчасъ-же всѣ учебныя заведенія въ городѣ были закрыты послучаю появившихся въ городѣ скарлатинъ, тифовъ и ни вѣсть отъ чего . . . . а теперь вотъ еще статистика разпаршивая, какъ-то нетого, . . . совсѣмъ худо показываетъ:

До 1903 года напримѣръ *приростъ* (рождаемость) коренного населенія противъ смертности *превышалъ на* 8%%.

Нынѣ-же профессоръ Бутягинъ въ публичной лекціи констатировалъ фактъ, что коренное населеніе Томска *даетъ смертность на три процента больше* противъ рождаемости!

То есть коренное населеніе Томска *вымираетъ*!

Это при чистой-то водопроводной водѣ!

Сколько-же тысячъ *лишнихъ* крестовъ уже теперь красуется на Томскихъ кладбищахъ благодаря „упорнымъ трудамъ“ отчаянно культурнаго городского заправилы 1002—1905 г.г.? И сколько еще въ проэктѣ, впереди?

Поэтому-то съ самаго 1904 г. городъ строитъ и неможетъ настроиться разныхъ больницъ.

Сами-же врачи, подписавшіе адресъ, при всемъ своемъ желаніи, не успѣваютъ удовлетворять предъявляемыхъ къ нимъ жителями требованій, чего прежде никогда небывало.

---

*) *Примѣчаніе* 1). Въ предъидущей статьѣ № 44 на 1-й страницѣ пропущено слово „въ Декабрѣ 1905 г. и“, слѣдуетъ читать: (слава Богу, что *ихъ* въ декабрѣ 1905 г. и въ Январѣ 1906 г. на выборахъ *„честью“* выпроводили *на* вороныхъ....).

2) Въ 5 столбцѣ вкралась ошибка: напечатано: „Господи городовъ—при безвременьи только и могутъ“, слѣдуетъ читать: Господи! при безвременьи только городовъ и могутъ заводиться такія ничтожества, гниды, протягивать руку къ городскому сундуку и подымать свой голосъ съ разными прожектами“ и т. д.

*) За массою этихъ "дефектовъ" и за недостаткомъ мѣста въ маленькой газетѣ, всѣхъ ихъ перечесть немогу.

**) Я вѣдь тоже утверждаю что „отчаянной“: и Бромлею заплатили лишнихъ 200 т. руб. городскихъ трудовыхъ денегъ и башня на верхнемъ перевозѣ еще недостроенная *три* раза разваливалась и по сіе время стоитъ опутанная желѣзными веревками,—я объ этой-то *„отчаянной“* энергіи вообще и рѣчь-то держу здѣсь,

***) Къ стати сказать—родного брата „Сиб. Жиз.“.

*) А казалось-бы что теперь обыватель пьетъ уже не мыльную воду изъ ушайки изъ подъ бань Карукесъ, а чистую какъ хрусталь, изъ водопровода! только вотъ, при началѣ оттепелей весной, по ямному предм. и въ старомъ городѣ, по тѣмъ улицамъ, гдѣ провожены водопров. трубы, всегда по утрамъ можно замѣтить надъ этими канавами зловѣщій сизый туманъ,

**) См. № 237 „Сиб. Вѣст.“ за 1905 г.

***) Курсивъ мой.

Digital Library (repository) of Tomsk State University http://vital.lib.tsu.ru

Удивляться надо, зачѣмъ это врачи сочинили такой „адресъ“ не посовѣтовавшись съ Томской статистикой, а она вѣдь барыня хорошая, *не лгунья*.

— Для того чтобы возвысить своего собрата?

Неужели они настолько наивны, что думаютъ, что ихъ никто не провѣряетъ и всѣ повѣрятъ имъ на слово?

(Продолженіе будетъ).

Дѣло о еврейскомъ погромѣ въ Томскѣ 20—22 октября 1905 г.

(Продолженіе*).

Послѣ Батурина и Кулеватова, до появленія на сценѣ г. Булацеля, послѣдовало еще три несложныхъ и потому сравнительно быстрыхъ слѣдствія. Передъ судомъ прежде всего предсталъ рядъ подсудимыхъ: Ишимскій мѣщ. Яковъ Андреевъ *Брагинъ*, 40 лѣтъ, и томскіе мѣщане Василій Алексѣевъ, 55 лѣтъ, и Авдотья Васильева, 56 лѣтъ, *Игнатовы*, обвиняемые по той же 1 ч. 269[1] ст. ул. о нак. въ томъ, что они „съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными лицами, разгромили въ Бѣлозерскомъ переулкѣ лавку и квартиру Мордуха Пильникова и расхитили принадлежащее Пильникову имущество, часть котораго и была у нихъ найдена при обыскѣ“. Обстоятельства дѣла изложены въ обвинительномъ актѣ такъ:

„По удостовѣренію потерпѣвшаго Мордуха Пильникова, въ толпѣ, громившей его лавку и квартиру, находящуюся въ домѣ Чевелева по Бѣлозерскому пер., принимали участіе проживающіе въ томъ же переулкѣ—мѣщ. Як. Брагинъ, мѣщ. Вас. Игнатовъ со своей женой Авдотьей Игнатовой и ихъ квартирантка Екатерина Моисеева. Допрошенная на слѣдствіи свидѣтельница Екатерина Корощенкова удостовѣрила, что она во время разгрома лавки Пильникова видѣла, какъ Игнатовъ насыпалъ въ мѣшокъ овесъ и унесъ этотъ мѣшокъ къ себѣ домой, а жена его взяла банку съ вареньемъ. Брагинъ же, принимая также участіе въ этомъ разгромѣ, унесъ къ себѣ принадлежащую Пильникову кадку съ капустой, а Моисеева, уже послѣ того какъ толпа ушла отъ лавки Пильникова, находилась въ его квартирѣ и сорвала съ дивана матерію, которую и унесла къ себѣ. По произведенному у Брагина обыску, у него Пильниковымъ была найдена кадка съ капустой, а у Игнатовыхъ было отобрано варенье и нѣсколько кулей овса, принадлежащихъ Пильникову, у Моисеевой въ ея сундукѣ была найдена сорванная ею съ дивана матерія. Изложенное нашло себѣ подтвержденіе также въ показаніи свидѣтеля Демидова“.

Моисеевой повѣстка не была вручена за неразысканіемъ ея, и потому она на этотъ разъ въ судѣ отсутствуетъ. О Брагинѣ же и Игнатовыхъ свидѣтели обвиненія подтверждаютъ нерѣшительно свое прежнее показаніе, но свидѣтели отъ защиты—Воронина и Хотинскій—удостовѣряютъ, что еще до погрома имущества Пильникова Брагинъ былъ мертвецки пьянъ и кадка съ капустой, брошенная кѣмъ-то на улицѣ, была поставлена къ нему по распоряженію хозяина дома.

Далѣе—крестьянинъ Тобольской губ. Тимоѳей Леонтьевъ *Кузнецовъ*, 45 лѣтъ, обвиняемый по той же статьѣ въ томъ, что онъ „съ толпой другихъ лицъ принялъ участіе въ разгромѣ магазиновъ (sic) Альперовича на Никольской ул. и Шура и Слосмана на Почтамтской ул. и захватилъ съ собою изъ магазина (sic) Альперовича муку, мыло, варенье и другія вещи, а изъ магазина Слосмана—шляпу, галоши, ботинки и туфли, а также принялъ участіе въ разгромѣ лавки и квартиры Гавріила Ицковича на Тверской ул. и похищенные изъ этой лавки товары увозилъ къ себѣ домой на лошади“. Въ обвинительномъ же актѣ о немъ сказано такъ:

„27 октября околод. надзирателемъ Золоташко былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ крест. Т. Л. Кузнецова, при чемъ при обыскѣ у Кузнецова были найдены: шляпа, галоши, одинъ ботинокъ, одинъ туфель и одинъ сапогъ, похищенные изъ магазина Слосмана, около пуда кедровыхъ орѣховъ, варенье, гильзы, чай, мыло, мѣшокъ солода, смѣшаннаго съ табакомъ; всѣ эти вещи были признаны потерпѣвшимъ Альперовичемъ за похищенныя у него во время разгрома его лавки. Кузнецовъ при обыскѣ заявилъ, что всѣ вещи принадлежатъ ему, орѣхи же и обувь подобраны имъ на улицѣ послѣ погрома еврейскихъ лавокъ“.

Кстати—„магазинъ“ Альперовича—самая обыкновенная домовая бакалейная лавка.

На судѣ выясняется, что обвиненіе пало на подсудимаго лишь потому, что потерпѣвшій Ицковичъ слышалъ отъ кого-то, что его вещи увезены „Кузнецовыми“, но Кузнецовыхъ много и кѣмъ именно изъ нихъ увезены вещи, остается не выясненнымъ.

Далѣе идутъ подсудимые—крестьянинъ Кіевской губ. Алексѣй Ивановъ *Орелъ* (онъ же Орленко), 20 лѣтъ и крест. Пензенской губ. Петръ Михайловъ *Чуркинъ*, 28 лѣтъ, обвиняемые по той же статьѣ въ томъ, что Орелъ „вмѣстѣ съ другими лицами принималъ участіе въ разгромѣ и расхищеніи имущества изъ зданія управленія Сиб. жел. дороги и во время разгрома похитилъ принадлежащій сему управленію желѣзный прессъ, который у него былъ при обыскѣ отобранъ“, а Чуркинъ „участвовалъ съ другими лицами въ разгромѣ магазина Заславскаго и похитилъ изъ названнаго магазина двѣ шубы, дамскій сакъ, фуражки, шапки и другія вещи, которыя у него и были впослѣдствіи отобраны“. Въ актѣ объ Орлѣ и Чуркинѣ говорится такъ:

„28 октября околод. надзирателемъ 1 ч. г. Томска Раткинымъ былъ произведенъ обыскъ въ квартирѣ Егора Чуркина, при чемъ при обыскѣ на столѣ былъ найденъ канцелярскій желѣзный прессъ, а въ подпольѣ оказались зарытыми въ землю двѣ шубы на кенгуровомъ кѣху, дамскій мѣховой сакъ, 14 форменныхъ фуражекъ, шапки, шляпы, муфты, пара сапогъ и другія вещи. Хозяинъ квартиры при обыскѣ заявилъ, что отобранный у него прессъ принесъ къ нему на квартиру его работникъ Алексѣй Орелъ, а всѣ остальныя вещи были принесены его племянникомъ Петромъ Чуркинымъ. Допрошенный по этому поводу Раткинымъ Ал. Орелъ объяснилъ, что желѣзный прессъ имъ взятъ изъ зданія управленія жел. дороги во время пожара, Петръ Чуркинъ объяснилъ, что всѣ найденныя въ подпольѣ вещи взяты имъ при разгромѣ магазина Заславскаго 21 октября. Отобранныя у Чуркина мѣховыя и другія вещи были признаны довѣреннымъ Заславскаго Людвигомъ Кальмееромъ за похищенныя у Заславскаго во время разгрома его магазина; нѣкоторыя же вещи, какъ напр., дѣтскія шляпы, сапоги и другія вещи признаны потерпѣвшимъ Слосманомъ за похищенныя у него изъ магазина. Кромѣ сего одна шуба на кенгуровомъ мѣху была признана за похищенную изъ квартиры Бориса Фуксмана, которому она и была выдана“.

На судѣ Чуркинъ, какъ уже было выше сказано, одинъ изъ всѣхъ призналъ себя виновнымъ и раньше всѣхъ подсудимыхъ объяснилъ, что вещи были подобраны имъ въ Благовѣщенскомъ переулкѣ, уже послѣ погрома. Такое же объясненіе относительно пресса далъ теперь и Орелъ. Допрашиваются свидѣтели отъ защиты.

Тутъ къ предсѣдателю подходитъ судебный приставъ и тихо докладываетъ, что въ судъ явился прис. повѣренный Булацель.

Предсѣдатель (громко): Что такое? При чемъ тутъ Булацель? Развѣ онъ участвуетъ въ дѣлѣ? Мнѣ неизвѣстно даже, кто его приглашалъ.

Голоса со стороны подсудимыхъ: Мы! мы! мы его приглашали.

Предсѣдатель: Въ такомъ случаѣ просите его войти.

Входитъ г. Булацель. Подсудимые при видѣ его встаютъ.

Предсѣдатель: Что это вы? Кого встрѣчаете? Да садитесь! (Булацелю), Вы кто такой и что вамъ угодно отъ суда?

Булацель: Я такой-то и ходатайствую, прежде всего, о допущеніи меня къ защитѣ подсудимыхъ, чего, какъ видите, всѣ они желаютъ.

Судъ, по краткомъ совѣщаніи тутъ же, постановляетъ допустить г. Булацеля къ защитѣ всѣхъ подсудимыхъ.

Трое изъ защитниковъ по назначенію—гг. Щербаковъ, Молотковскій и Новиковъ ходатайствуютъ предъ судомъ объ освобожденіи себя отъ защиты подсудимыхъ въ виду принятія таковой на себя г. Булацелемъ. Судъ удовлетворяетъ ихъ ходатайство.

Булацель: Я просилъ бы гг. защитниковъ ознакомить меня съ собраннымъ ими на судебномъ слѣдствіи матеріаломъ, а судъ покорнѣйше прошу сдѣлать для этого перерывъ засѣданія, хотя бы на 1 часъ.

Предсѣдатель объявляетъ перерывъ на два часа.

Вѣсть о появленіи г. Булацеля на судѣ быстро распространилась по городу и, видимо, начинавшій уже ослабѣвать, интересъ публики къ настоящему дѣлу возбудился вновь. Не смотря на вывѣшенное на дверяхъ зала объявленіе, за подписью предсѣдателя, о томъ, что „залъ судебныхъ засѣданій переполненъ и свободныхъ мѣстъ для публики въ немъ не имѣется“,—публика всетаки, что называется, лѣзла и лѣзла туда. Курьеры суда и городовые выбивались изъ силъ, а приставленный на ряду съ ними спеціально отъ суда слѣдить за входомъ публики молодой кандидатъ на судебныя должности, кадетскаго пошиба, едва различалъ своихъ отъ чужихъ, лѣвыхъ отъ правыхъ, знакомыхъ отъ не знакомыхъ и имѣющихъ входный билетъ отъ безбилетныхъ.

Засѣданіе возобновилось въ 4½ часа дня въ предшествіи разныхъ инцидентовъ. Вотъ лѣзетъ кучка студентовъ въ штатскомъ платьѣ въ залъ засѣданія черезъ свидѣтельскую комнату. Городовые, повидимому, принимаютъ ихъ за свидѣтелей и пропускаютъ. Знакомыя все лица: едва ли не всѣ фигурировали въ 1907 г. въ этомъ же самомъ залѣ въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу о вооруженной демонстраціи 18 января 1905 г. Молодой кандидатъ дружески киваетъ и пожимаетъ руку одному изъ главныхъ демонстрантовъ 18 января, отдѣлившемуся отъ кучки и проникающему въ залъ черезъ боковыя двери. Но вотъ онъ замѣчаетъ, что въ залъ суда прошелъ черезъ свидѣтельскую комнату какой-то священникъ да еще со значкомъ союза русскаго народа на груди. Моментально онъ летитъ съ нотаціей сначала къ городовому, а потомъ къ нему и проситъ покинуть залъ. Священникъ отвѣчаетъ, что-то въ родѣ того, что не находитъ къ тому основаній (за гуломъ голосовъ публики плохо слышно). Тогда кандидатъ летитъ къ предсѣдателю суда и возвращается уже съ приказомъ покинуть залъ и впредь не входить сюда. Священникъ вынимаетъ изъ кармана билетъ на входъ. Озабоченный кандидатъ бѣжитъ вновь къ предсѣдателю и возвращается съ разрѣшеніемъ къ священнику остаться на этотъ разъ въ залѣ. Но, священникъ, заявивъ, что онъ придетъ сюда тогда, когда найдетъ это нужнымъ, а сейчасъ оставаться не хочетъ,—всетаки ушелъ изъ зала засѣданій. Кадетская газета „Сибирская Жизнь“ ставитъ этотъ случай почему- то въ прямую связь съ пріѣздомъ г. Булацеля и на другой же день помѣщаетъ замѣтку въ томъ родѣ, что „пріѣздъ-де Булацеля ознаменовался уже инцидентомъ: предсѣдатель суда, во время одного изъ перерывовъ, вынужденъ былъ отдать приказаніе объ удаленіи и недопущеніи въ залъ суда на будущее время одного священника со значкомъ союза русскаго народа, такъ какъ батюшка будто бы упорно не желалъ подчиниться требованіямъ завѣдующаго надзоромъ за пропускомъ въ залъ засѣданія—кандидата на суд. должности г. Высоцкаго“. Г. Булацель, понятно, не пропустилъ это безъ вниманія. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Ставится на разсмотрѣніе суда дѣло о Колыванскомъ мѣщ. Иванѣ Константиновѣ *Шабалинѣ*, 42 лѣтъ, обвиняемомъ по 1 ч. 269[1] ст. ул. о нак. въ томъ, что онъ „съ другими лицами не только принималъ участіе въ разгромѣ квартиры Давида Дондо на Милліонной ул. и уничтоженіи его имущества, но и руководилъ толпой, указавъ ей на лавку Цукермана, которая и была послѣ этого разгромлена“. Обстоятельства дѣла изложены въ обвинительномъ актѣ такъ:

„По показанію потерпѣвшихъ Цукермана и Дондо, когда 21 октября толпа громила еврейскіе дома и лавки на Милліонной ул., но по уговору Ивана Казанскаго и Павла Мазикова не трогала домъ, принадлежащій Цукерману,—бывшій тутъ же въ толпѣ лавочникъ Иванъ Шабалинъ кричалъ толпѣ: „Что вы смотрите на него?—такой же еврей, какъ и другіе. Валяйте!“—послѣ чего толпа разгромила и разграбила лавку Цукермана. Кромѣ сего, во время разгрома дома Дондо, тотъ же Шабалинъ, по удостовѣренію свидѣтелей Лейбы Миркина, Лукерьи Блесниной и Кузбикова, находился въ квартирѣ (?) рубилъ парадную дверь въ квартирѣ, рылся въ ящикахъ Дондо и ломалъ буфетъ“.

Начинается допросъ свидѣтелей. Дондо заявляетъ, что видѣлъ собственными глазами Шабалина во время разгрома его дома. Цукерманъ—только слышалъ его голосъ, хорошо извѣстный ему.

Мазиковъ: Да, точно,—подсудимый показывалъ на лавку Цукермана и говорилъ, что у него недавно украли какой-то товаръ и товаръ этотъ долженъ быть непремѣнно тутъ. (Прокурору) Да,—кричалъ, что Цукерманъ—такой же жидъ, какъ и всѣ они. Послѣ говорили, что и толпу то самъ онъ привелъ изъ Заозерья и денегъ сулилъ, чтобы только разыскать товаръ. Кто это говорилъ—не могу припомнить. Многіе говорили.

Булацель: Считаю долгомъ обратить вниманіе г. г. судей, что, по уставу уголовнаго судопроизводства, слухи, неизвѣстно отъ кого исходяшіе, въ качествѣ судебнаго матеріала приниматься не могутъ, и покорнѣйше прошу поэтому показаніе свидѣтеля въ этой части изъ числа судебныхъ доказательствъ исключить.

Мазиковъ: Да,—толпа два раза подходила къ Цукерману. Ее уговаривали, и она отходила. Голосъ Шабалина знаю, но что именно онъ кричалъ, я самъ разслышать не могъ, потому, что шумъ былъ большой.

Лукерья Блеснина: Жила у Дондо и во время погрома видѣла, какъ Шабалинъ входилъ черезъ парадныя двери. Да,—эти двери, помнится, изрубили,—потомъ таскали бѣлье изъ ящиковъ, посуду изъ буфета и другія вещи. (Булацелю) Да,—слѣдователь допрашивалъ меня. Да,—онъ говорилъ тогда мнѣ, что надо показывать сущую правду. Я и тогда показывала такъ, какъ теперь. Я—православная, а Дондо—знаю, что еврей...

Балацель: Нѣтъ, вы тогда показывали, какъ будто, немного иначе. А не училъ ли васъ Дондо, какъ надо показывать слѣдователю? Не правда ли, училъ? Вѣдь вы были тогда несовершеннолѣтняя. Сколько вамъ лѣтъ?

Лук. Блеснина: 21-й годъ, а тогда было 17.

Булацель: Обращаю вниманіе суда на статью такую-то, запрещающую евреямъ имѣть несовершеннолѣтнюю прислугу изъ православныхъ. Дондо, очевидно, нарушилъ этотъ законъ. Законодатель, полагаю, зналъ, что дѣлалъ, установляя упомянутую мной статью, и я предоставляю вамъ, гг. судьи, судить о томъ, насколько могло быть достовѣрно показаніе несовершеннолѣтней, данно въ пользу ея хозяина—еврея, нарушившаго законъ.

Лейба Миркинъ: Да,—я видѣлъ, какъ Шабалинъ работалъ надъ парадной дверью, видѣлъ, какъ онъ раскрывалъ ящики и отперъ буфетъ. Это—у Дондо. А у Цукермана, я самъ слышалъ какъ Шабалинъ кричалъ: „Валите къ Цукерману,—нечего на него глядѣть!“ (Булацелю) Да, я это слышалъ, но Шабалина въ толпѣ не видалъ.

Булацель: Можетъ быть, вы и это только слышали отъ кого-нибудь, что это былъ голосъ Шабалина? Можетъ быть и о томъ, какъ Шабалинъ „работалъ“ у Дондо, вамъ тоже кто-нибудь говорилъ?

Миркинъ (обиженно): Что это?—я вѣдь не мальчишка, чтобы меня учили, что надо говорить на судѣ, и голосъ Шабалина я такъ хорошо знаю, что всегда отличу. Жилъ я или не жилъ у Дондо—это все равно, и ему меня рѣшительно нечему было учить.

Читается чье-то показаніе о присутствіи Шабалина въ толпѣ при разгромѣ имущества Дондо, и судъ переходитъ къ допросу свидѣтелей отъ защиты. Трое или четверо кратко удостовѣряютъ, что Шабалинъ активной роли въ погромѣ не игралъ.

Богданова высказывается подробнѣе: Живу наискосокъ Шабалина, тутъ же по близости и лавка Цукермана. Какъ стали Цукермана громить, я стояла у своихъ воротъ, а Шабалинъ—у своихъ, черезъ дорогу. Стоялъ онъ смирно, и мы разговаривали съ нимъ. Улица шириной обыкновенная, голосъ черезъ дорогу слышенъ. Шумъ тогда, конечно, былъ, но не заглушалъ ихъ разговора.

Патрушевъ добавляетъ, что Шабалинъ тогда не все время былъ и на улицѣ, былъ также и во дворѣ, гдѣ онъ и велъ съ нимъ разговоръ о происходившемъ.

Шабалинъ заявляетъ, что на другой же день послѣ погрома толпа евреевъ набросилась на него, обвиняя въ захватѣ товаровъ изъ лавки Цукермана. Вскорѣ у него былъ произведенъ полиціей обыскъ, но Цукерманъ при этомъ своихъ товаровъ указать не могъ, а нашелъ только коробку изъ подъ гильзъ съ помѣткой буквой „Ц“ и все свое обвиненіе его, Шабалина, обосновалъ на этомъ.

—„Я, говоритъ Шабалинъ,—тогда же замѣтилъ, что буква „Ц“ совсѣмъ свѣжая, что она какъ будто вотъ только сейчасъ поставлена карандашемъ, и заявлялъ это производившему обыскъ околодочному надзирателю, но онъ объ этомъ не занесъ въ протоколъ. Цукерманъ—просто золъ на меня, какъ на конкурента по торговлѣ, и хотѣлъ, во что бы то ни стало, меня устранить“.

Авдаковъ: Былъ городовымъ и присутствовалъ при обыскѣ въ лавкѣ Шабалина вскорѣ послѣ погрома. Цукерманъ тогда, да, нашелъ коробку съ помѣткой буквой „Ц“ и Шабалинъ, да, тогда заявлялъ околодочному, что эту букву Цукерманъ поставилъ самъ тутъ же, во время обыска. (Булацелю). Коробка эта стояла въ сторонѣ и на нее сначала не обращали вниманія. А потомъ Цукерманъ вдругъ нагнулся, поднялъ ее и показываетъ околодочному. Пока онъ нагибался и поднималъ ее, мнѣ кажется,—да, можно поставить карандашемъ одну букву.

Булацель: Покажите, свидѣтель, какъ именно онъ нагибался и поднималъ коробку.

Авдаковъ продѣлываетъ это не особенно поспѣшно.

Булацель: Если дѣло было такъ, то, гг. судьи, вѣдь вполнѣ возможно поставить карандашемъ какую угодно букву.

Прокуроръ: А допрашивалъ ли васъ, свидѣтель, судебный слѣдователь? Давали ли вы ему объ этомъ показаніе на предварительномъ слѣдствіи?

Булацель: Обращаю вниманіе суда на то, что если свидѣтель и не былъ о чемъ-нибудь допрошенъ на предварительномъ слѣдствіи, то это является обстоятельствомъ, порочащимъ ужъ во всякомъ случаѣ не показаніе свидѣтеля, данное на судѣ. Я замѣтилъ здѣсь, что обвинитель довольно часто старается опорочить свидѣтельскія показанія тѣмъ, что свидѣтели не были допрошены о томъ-то и о томъ-то на предварительномъ слѣдствіи, и я покорнѣйше просилъ бы судъ....

Предсѣдатель (прерываетъ): Я прекращаю разговоръ объ этомъ. Ничего подобнаго прокуратура здѣсь не дѣлаетъ.

Булацель (возвышая голосъ, продолжаетъ): Я покорнѣйше просилъ бы судъ не придавать порочащаго значенія тому, что о заявленномъ на судѣ обстоятельствѣ свидѣтели не были допрошены въ свое время слѣдователемъ.

Предсѣдатель: Прошу васъ прекратить объ этомъ. Повторяю: прокуратура ничего подобнаго не дѣлаетъ, и судъ никакого порочащаго значенія не придаетъ.

Булацель садится. Этимъ конфликтомъ и кончилось дневное засѣданіе 20 августа и слѣдствіе о Шабалинѣ.

Далѣе—въ 6 час. веч.—ставится дѣло о Тобольскомъ мѣщ. Иванѣ Петровѣ *Ленбергѣ*, 45 лѣтъ, обвиняемомъ по той же статьѣ въ томъ, что онъ „вмѣстѣ съ другими, слѣдствіемъ не обнаруженными лицами принималъ дѣятельное участіе въ разгромѣ публичнаго заведенія Хаима Захира на Бачановской улицѣ и, проникнувъ въ квартиру Захира, ломалъ зеркала, мебель и другую обстановку и захватилъ съ собою принадлежащія Захиру бутылки съ виномъ“. Въ обвинительномъ актѣ о Ленбергѣ излагается такъ:

„Допрошенный на предварительномъ слѣдствіи потерпѣвшій Хаимъ Захиръ, у котораго 22 октября былъ разгромленъ принадлежащій ему домъ терпимости на Бочановской ул., заявилъ, что въ толпѣ, громившей его заведеніе, принималъ участіе Ив. Ленбергъ, который подстрекалъ толпу къ разгрому его дома, а затѣмъ въ квартирѣ ломалъ зеркала, мебель и другую обстановку. Допрошенные по ссылкѣ Захира свидѣтели Тихонъ Шарыгинъ и Хаимъ Пужевскій удостовѣрили, что когда громившая евреевъ толпа появилась на Бочановской улицѣ, содержатель публичнаго дома Ив. Ленбергъ указывалъ этой толпѣ на заведеніе Захира и другихъ евреевъ, которыя толпой и были разгромлены, и кромѣ сего Ленбергъ, при разгромѣ дома Захира, вытаскивалъ изъ него вино и кричалъ толпѣ: „Нужно попробовать еврейскую кровь“.

Захиръ на судѣ подтверждаетъ показаніе: Ленбергъ указалъ на его домъ: „Здѣсь живутъ жиды,—надо громить“.

Тов. прокурора: А дѣлали вы, свидѣтель, обыски у кого-либо по поводу расхищенія вашего имущества и знали Ленберга раньше?

Захиръ: Имущества я не разыскалъ и фамилію Ленберга узналъ послѣ. А тогда мнѣ говорили, что толпу направилъ на мой домъ какой-то Иванъ Петровичъ.

Булацель: Странно! Свидѣтель,—да вы кто такой: жандармскій или полицейскій чиновникъ, что вамъ такъ-таки прямо и предлагаютъ вопросъ: дѣлали ли вы обыски?

Предсѣдатель: Ну, это ужъ придирка къ словамъ, къ выраженію товарища прокурора, г. защитникъ!

Булацель: Не совсѣмъ такъ. Ну, а кто же именно сказалъ вамъ, свидѣтель, фамилію Ленберга? Или это вы просто такъ слышали въ толпѣ?

Захиръ: Тамъ разно говорили. А фамилію Ленберга назвалъ мнѣ одинъ мой знакомый.

Булацель: Ну, кто же именно изъ вашихъ знакомыхъ? какъ его зовутъ по фамильи?

Захиръ называетъ какую-то фамилью, въ родѣ Бергманъ.

Свид. *Шарыгинъ*: Видѣлъ, какъ громили заведеніе Захира. Видѣлъ въ это время и Ленберга. Но онъ только стоялъ тутъ на улицѣ и не громилъ и ничего не таскалъ.

Свид. *Пужевскій*: Видѣлъ, какъ подошла толпа къ заведенію Захира. Кто-то крикнулъ: „вотъ жидъ,—бейте его!“ Фамилію крикнувшаго называли: Шабалинъ, или въ родѣ того.

Свид. отъ защиты *Выходцевъ*: Сосѣдъ Ленберга, домовладѣлецъ. Видѣлъ, что Ленбергъ во все время погрома стоялъ у своихъ воротъ, а потомъ ушелъ домой и больше ничего.

Наконецъ, еще одинъ свид. отъ защиты (фамилію не разслышали) удостовѣряетъ, что Ленбергъ даже пробовалъ уговаривать толпу.

Слѣдствіе кончено. Судъ переходитъ къ дѣлу о крестьянинѣ Тобольской губ. Василіи Ѳедотовѣ *Ѳедоровѣ*, 28 лѣтъ, обвиняемомъ по той же 1 ч. 269[1] ст. по обстоятельствамъ, изложеннымъ такъ въ дополнительномъ обвинительномъ актѣ: Въ день поджога зданія управленія Сибирской жел. дороги, около 10 час. веч., въ домъ терпимости Маріи Соломоновой Носовицкой, на Бочановской улицѣ, явился съ задняго крыльца сожитель прислуги хозяйки—Анисьи Злобиной—маляръ Василій Ѳедоровъ и, при хозяйкѣ Носовицкой, Ѳедорѣ Черепановѣ, Хаимѣ Абрамовичѣ и Яковѣ Баюханскомъ, сталъ разсказывать, что онъ, вмѣстѣ съ другими, избивалъ и убивалъ людей около горящаго зданія, при чемъ показалъ, по словамъ упомянутыхъ свидѣтелей, четырехгранную, запачканную кровью, резину въ два пальца толщиной, обвитую провокой и съ свинцовыми пломбами на концахъ, и объяснилъ, что ею онъ и билъ. Шуба его, по словамъ свидѣтелей, была тоже въ крови. На другой день, 21 октября, вечеромъ, Ѳедоровъ снова явился туда же и передалъ Злобиной черный ватный дамскій сакъ съ расцѣнкой магазина. Но Злобина этого сака не приняла. На допросѣ у суд слѣдователя Ѳедоровъ виновнымъ себя не призналъ и объяснилъ, что 20 октября онъ никого не избивалъ, резины у него не было, кровь же на шубѣ—его собственная отъ драки съ неизвѣстнымъ человѣкомъ на Никольской улицѣ; сакъ же онъ подобралъ на улицѣ.

(Продолженіе будетъ).

СЛОВО

Высокопреосвященнѣйшаго, Макарія, Архіепископа Томскаго и Алтайскаго при открытіи Томской психіатрической больницы, 25 окт. 1909 г.

Нѣкогда, разхаживая по новоустроеннымъ царскимъ чертогамъ и обозрѣвая величественныя зданія и стѣны города, царь Навуходоносоръ сказалъ: „Это ли не величественный Вавилонъ, который построилъ я силою моего могущества и въ славу моего

*) См. №№ 34, 35, 36, 38, 39, 40, 41 42 43 и 44.

величія!“ Еще рѣчь была въ устахъ царя, какъ былъ съ неба голосъ: „тобѣ говорятъ, Царь Навуходоносоръ: Царство отошло отъ тебя, и отлучатъ тебя отъ людей и будетъ обитаніе твое съ полевыми звѣрями: травою будутъ кормить тебя, какъ вола, и семь временъ пройдутъ надъ тобою, доколѣ познаешь, что Всевышній владычествуетъ надъ царствомъ человѣческимъ и даетъ его, кому хочетъ“ Тотчасъ и исполнилось это слово надъ Навуходоносоромъ и отлученъ онъ былъ отъ людей, ѣлъ траву, какъ волъ, и орошалось тѣло его росою, такъ что волосы у него выросли какъ у льва, и ногти у него, какъ у птицы. Что было далѣе, какъ возвратилось къ нему сознаніе, Царь разсказываетъ самъ. „По окончаніи дней тѣхъ, я, Навуходоносъ, возвелъ глаза мои къ небу и разумъ мой возвратился ко мнѣ, благословилъ я Всевышняго и прославилъ Присносущаго“.

Очевидно, что съ Навуходоносоромъ произошло умопомѣшательство и что допущена была эта болѣзнь души по опредѣленію Свыше. За горделивое мнѣніе о своемъ могуществѣ и величіи Царь наказанъ былъ приведеніемъ его въ крайне безпомощное и уничиженное состояніе: тотъ, кто мечталъ взойти выше звѣздъ и быть подобнымъ Всевышнему, низводится въ состояніе животнаго, долженъ жить, какъ животное, и питаться, какъ волъ.

Здѣсь видно соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ. Видно также, что здѣсь наказаніе приведено въ исполненіе особенною Божественною силою. Умопомѣшательство есть болѣзнь души; причиной ея въ данномъ случаѣ послужилъ грѣхъ—горделивое самомнѣніе. По мнѣнію христіанскихъ подвижниковъ благочестія, этихъ опытнѣйшихъ психологовъ, гордость уже сама по себѣ есть начало умопомѣшательства. Не свидѣтельствуетъ ли о томъ и врачебная наука, нерѣдко встрѣчающая страдающихъ маніемъ величія? Эта болѣзнь начинается сперва высокимъ мнѣніемъ о своихъ заслугахъ, о своихъ способностихъ; потомъ требуетъ ото всѣхъ почестей и наконецъ восходитъ до недосягаемаго для другихъ величія, говорящаго о себѣ: я князь, я царь царей, я Богъ. Если гордость влечетъ за собой, какъ естественное послѣдствіе, и, въ тоже время, какъ наказаніе—болѣзнь умопомѣшательства, то и другіе пороки не такъ же ли влекутъ за собой болѣзни, какъ естественныя послѣдствія грѣха, и въ тоже время служащіе наказаніемъ за грѣхъ. Возьмемъ для примѣра пороки пьянства, разврата. Кто не знаетъ того, что эти пороки влекутъ за собой не одну болѣзнь, но рой болѣзней и бѣдствій. Возьмите злобу, обманъ, корыстолюбіе; не наказываютъ ли эти пороки сами себя разнообразными болѣзнями и страданіями? Порокъ есть нарушеніе нравственнаго или физическаго закона. И грѣхъ есть беззаконіе—нарушеніе закона. Нарушеніе закона, по закону правды, требуетъ ваказанія. Не было грѣха, не было и наказанія. Не было грѣха, не было и болѣзней, не было и смерти, какъ послѣдствія болѣзни. Вошелъ грѣхъ, вошли болѣзни и смерть. Смерть есть оброкъ грѣха—т. е. грѣхъ расплачивается за себя смертію. Но люди меньше всего обращаютъ вниманіе на эту міровую первопричину болѣзней и смерти, и выходитъ у нихъ борьба съ болѣзнями, какъ бы борьбою съ вѣтромъ. Чтоже? Говоря такъ, неужели мы не признаемъ пользы врачебныхъ, подобныхъ настоящему, и другихъ благотворительныхъ учрежденій? Отнюдь нѣтъ. Мы желали бы только, чтобы таковыя учрежденія больше и больше множились. Но въ то же время мы желали бы, чтобы, наравнѣ съ больницами и институтами врачей, умножились и такія учрежденія, въ которыхъ практически проходилась бы наука о борьбѣ съ грѣхомъ и пороками; чтобы всѣ, именующіеся христіанами, усвоили духъ христіанства, чтобы они не по имени только, а и по убѣжденіямъ и по жизни были христіанами, соблюдающими всѣ правила христіанской жизни, всю церковную дисциплину; притомъ—не одну внѣшность, но духъ всего этого; чтобы множился институтъ истинныхъ духовныхъ врачей, умѣющихъ врачевать болѣзни души—чтобы множились храмы Божіи, какъ институты благочестія, какъ духовныя врачебницы,—чтобы множились школы, въ которыхъ молодое поколѣніе воспитывалось бы въ правилахъ благочестія,—чтобы христіане объединились въ оградѣ церкви для борьбы съ народными пороками, каковы: пьянство, развратъ и тому подобные. Если бы одновременно съ этой берьбой съ болѣзнями, какую ведетъ врачебная наука съ ея институтами, велась борьба съ грѣхами и пороками, какъ первопричинной болѣзней и страданій, то человѣчество въ христіанствѣ, какъ лучшей своей части, обладающей наибольшими силами для этой борьбы, еще здѣсь стало бы предвкушать то блаженное состояніе, какое была сначала, и какое мы, вѣрующіе, ожидаемъ тогда, когда начнется жизнь при новыхъ условіяхъ, гдѣ нѣтъ грѣха, откуда бѣгутъ болѣзни, печаль и воздыханіе. Но обратимся къ настоящему прекраснѣйшему и полезнѣйшему учрежденію, на торжество открытія котораго въ настоящій день мы собрались. Молитвенно пожелаемъ ему умноженія средствъ для борьбы съ болѣзнями и, при помощи Божіей, успѣха въ таковой борьбѣ. Не пренебрегаемъ и тою мыслію, какъ бы неосуществимою, что для успѣха съ болѣзнями необходима борьба съ грѣхомъ, какой мы всѣ, въ большой или меньшей мѣрѣ, носимъ въ себѣ; а также нужна скорѣйшая и дружная борьба съ народными пороками, какъ причиной болѣзней, усиленной смертности и разнообразныхъ народныхъ бѣдствій. Къ счастію человѣчества, ему дана и способность бороться съ болѣзнями и бѣдствіями, какъ послѣдствіями грѣха. Назначившій болѣзнь, какъ наказаніе за грѣхъ, въ тоже время далъ и врачевство отъ болѣзни. Онъ создалъ и врачевство для борьбы съ болѣзнію. Явилось на землѣ сословіе врачей и сѣть врачебницъ. Христіанство создало это множество благотворительныхъ учрежденій, которыми теперь изобилуютъ всѣ христіанскія страны, а отъ нихъ стали распространяться и среди не христіанскихъ народовъ. Но, не смотря на усиленную борьбу людей съ болѣзнями и бѣдствіями, тѣ и другія не перестаютъ мучить людей.—Въ чемъ заключается причина безуспѣшности этой борьбы? Не въ томъ ли, главнымъ образомъ, что люди стали бороться не съ первопричиной этихъ страданій, а только съ послѣдствіями этой первопричины, съ кажущимися непосредственными причинами ихъ. Они, такъ сказать, выгоняютъ болѣзни и страданія чрезъ дверь, а тѣ и другія входятъ то чрезъ скважины дома, то чрезъ окна. Къ несчастію люди не хотятъ вѣрить, что первопричиной болѣзни и вообще страданій служитъ грѣхъ, и что съ этой первопричиной и слѣдовало бы прежде и больше всего бороться. Дойдетъ ли когда либо человѣчество до признанія той Богооткровенной истины, что для успѣха борьбы съ болѣзнями и бѣдствіями нужно начать усиленную борьбу съ пороками,—это вѣдаетъ Богъ; но теперь, пока слава Богу и за то участіе, которое принимаетъ христіанское правительство и общество въ облегченіи бѣдственной участи тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ учреждаются многостоющія врачебницы, подобныя настоящей, нужды которыхъ сознается обществами и отдѣльными лицами не щадящими даже дорогой платы, какую нужно вносить за помѣщаемыхъ здѣсь, что усмотрѣть можно изъ того, что сравнительно въ короткій срокъ это огромнѣйшее зданіе скоро стало наполняться нуждающимися въ немъ.

Да почіетъ Божіе благословеніе на этомъ Богоугодномъ и человѣколюбивомъ учрежденіи, на всѣхъ приходящихъ сюда, обитающихъ въ немъ и служащихъ здѣсь. Аминь.

Слово

при открытіи окружной психіатрической лечебницы въ г. Томскѣ.

„Любить Бога... и любить ближняго есть больше всѣхъ всесожженій и жертвъ“ (Пр. 12, 33).

Настоящее торжество есть торжество милосердія и любви къ ближнему. Нынѣшній день открывается зданіе, которому предназначено быть той евангеллской Виѳездой въ которую собираются чающіе движенія воды, чающіе утѣшенія и помощи въ одномъ изъ величайшихъ недуговъ человѣчества. Любовь и милосердіе къ ближнему создали это зданіе. Но любовь не единоличная гдѣ-либо, а любовь народная, такъ какъ на лепты цѣлаго народа, отъ казны царской народной создался этотъ домъ милосердія. Это—жертва народной души, души—христіанки, памятующей, что „любить Бога и ближняго—есть больше всѣхъ всесожженій и жертвъ“.

Но настоящее торжество отличается отъ другихъ торжествъ своимъ особымъ характеромъ.

Если мы нашъ взоръ переведемъ отъ этого прекраснаго зданія на тѣхъ, кому предназначено здѣсь пребывать, то свѣтлое торжество невольно омрачается печальными мыслями и думами; свѣтлая радость смѣшивается съ глубокою скорбію.

Потому-то среди этого торжества невольно вспоминается нѣкій древній Царь, который приказалъ въ извѣстные моменты торжествъ приносить черепъ умершаго человѣка и возглашать: mement o mori—Царь, помни смерть!

Это зданіе, устроенное по всѣмъ правиламъ современной науки, не есть ли mement o mori“ для современнаго человѣчества? Вѣдь, глядя на несчастныхъ, для которыхъ предназначе ноэн ето зданіе, говорятъ ли часто: лучше бы ему умереть. Значитъ смерть иногда лучше пребыванія въ такомъ, хотя и благоустроенномъ мѣстѣ, но мѣстѣ печали и плача. А между тѣмъ число несчастныхъ все умножается и нужда въ такихъ зданіяхъ все увеличивается.

Государство и общество, принимая на себя обязанность заботиться о призрѣніи подобныхъ несчастныхъ, исполняютъ конечно свой нравственный долгъ и заповѣдь Христову о любви къ ближнему. Но этотъ христіанскій долгъ, эта любовь къ ближнему были бы неизмѣримо выше, неизмѣримо цѣннѣе, если бы государство и общество приложили заботы къ тому, чтобы создать такія условія жизни, при которыхъ если бы не уничтожилась совершенно, то по крайней мѣрѣ сократилась бы возможность подвергаться членамъ общества такимъ ужаснымъ заболѣваніямъ.

Но въ чемъ же можетъ выразиться такая обязанность общества и государства, и гдѣ искать причины психическихъ заболѣваній среди членовъ общества? Искать надо прежде всего въ семьѣ, а потомъ въ школѣ и въ общественной жизни.

Извѣстно, что семья есть та ячейка—, изъ которой выходятъ члены общества и государства. Здорова ячейка, здорово и общество, здорово и государство. Основу же семейнаго воспитанія составляетъ воспитаніе религіозное. Главная же забота о воспитаніи дѣтей лежитъ на матери. Древняя русская пословица говоритъ: „мать праведна—ограда каменна“. И исторія церкви христіанской представляетъ много примѣровъ тому, какъ „мать праведна“, т. е. мать благочестивая дѣйствительно была для дѣтей оградой каменной. Достаточо вспомнить мать блаженнаго Августина. Она пламенно со слезами молилась за своего сына и св. Амвросій сказалъ ей: „не можетъ быть, чтобы сынъ такихъ слезъ погибъ“. И сынъ ея-Августинъ не погибъ ни для общества, ни для царствія Божія. А какъ, много нынѣ такихъ матерей, которыя никогда не молятся за своихъ дѣтей; какъ много такихъ родителей, которыхъ дѣти никогда не видятъ молящимися; какъ много такихъ образованныхъ семействъ, въ которыхъ дѣти понятія не имѣютъ о св. Евангеліи. Падаетъ въ семьѣ религіозность, падаетъ благочестіе, падаетъ и нравственность.

Наше время является ареной постоянно смѣняющихся, опровергающихъ другъ друга научныхъ теорій, взглядовъ, гипотезъ. Въ области религіозныхъ вѣрованій это приводитъ къ безотрадному состоянію духа—скепгицизму и индеферентизму. Религіозный скептицизмъ проникъ въ семьи, и родители, сами являясь людьми съ разслабленной душой, равнодушными ко всѣмъ внушеніямъ религіи, не могутъ дать и дѣтямъ такого воспитанія, которое бы выпускало ихъ въ жизнь съ возвышенными идеями, съ твердыми убѣжденіями. Дѣти, не получивъ въ семьѣ религіознаго воспитанія уже въ дѣтствѣ чувствуютъ душевный разладъ и неуравновѣшенность духа. А потому уже въ дѣтскомъ возрастѣ часто проявляются ненормальныя психическія состоянія, доводящія до самоубійства и до преступленій. Насколько отсутствіе религіозно-нравственнаго воспитанія въ семьѣ разрушаетъ семью и создаетъ почву для возрастанія дѣтей ненормальныхъ-психопатовъ и сумасшедшихъ показываетъ изсл. одного французскаго врача. Онъ отмѣчаетъ, что изъ 342 распавшихся семействъ 320 совсѣмъ не посѣщали храма, изъ 417 молодыхъ людей и дѣвицъ-заблудившихся и обезчестившихъ своихъ родителей только 12 не чуждались церковной молитвы. Изъ 23 банкротовъ ни одинъ не бывалъ въ храмѣ. Изъ 25 сыновей,, безсердечно отнесшихся къ родителямъ 24 съ дѣтскаго возраста ни разу не готовились по христіански встрѣтить свѣтлые дни Пасхи. Ужасно краснорѣчіе этихъ цифръ! А потому родители, небрегущіе религіозн. воспитаніемъ своихъ, дѣтей должны знать, куда они ихъ ведутъ. Два такихъ родителей и для такихъ семействъ нынѣ открытое зданіе есть „memento meri“.

Изъ семьи дѣти идутъ въ школу. Что изъ себя представляетъ школа показали послѣдніе годы. 1905 и 1906 г.г. были какъ бы экзаменомъ для воспитательной системы нашей школы. Экзаменъ этотъ далъ порозительные результаты; поразительные и для родителей и для самихъ воспитателей. Когда какая-то невидимая рука заволновала общественную и государственную жизнь, когда со дна житейскаго моря поднялась вся нравственная грязь, то на гребнѣ поднявшихся волнъ оказалась учащіяся молодежь. Школы опустѣли. Учащіеся сдѣлались дѣтьми улицы

Родители, отдавшіе дѣтей въ школу и на томъ успокоившіеся стали плакаться на школу. Воспитатели на родителей, на семью. И родители и воспитатели оказались въ положеніи той курицы—насѣдки, ото я высидѣла утиныхъ циплятъ: когда циплята бросились въ воду, курица только бѣгала по берегу, хлопала крыльями и кричала. И, вотъ, пришли къ мысли, что вся бѣда въ томъ, что нѣтъ единенія между семьей и школой, что между ними большая пропасть. Рѣшили чрезъ эту пропасть перекинуть мостъ —создали такъ называемые родительскіе кружки. Но эти кружки въ дѣлѣ школьнаго воспитанія и явились тою седьмою нянькою, при которой дитя дѣлается уродомъ. Эти кружки потребовали прежде всего освобожденія учащихся отъ исполненія какихъ бы то ни было религіозныхъ обязанностей. Такое требованіе родителей находило себѣ сочувствіе и среди многихъ воспитателей. Такъ явилось единеніе семья и школы, единеніе на почвѣ изгнанія религіознаго воспитанія изъ семьи и школы. На почвѣ этого единенія стали произрастать невиданные до того плоды просвѣщенія—это такъ называемые, „огарки“, „лиги свободной любви“ и т. п. Благодаря если не отсутствію, то ослабленію религіозн. воспитанія въ школѣ, воспитательная школьная систе а потерпѣла полное крушеніе. Школа стала выпускать въ общественную жизнь людей разслабленныхъ духомъ, не имѣющихъ жизненной опоры это вѣры въ высшее и святое, невоодушевленныхъ ни какою возвышенной идеей, безъ вѣры въ жизнь и въ самихъ себя.

„Всякое воспитаніе, гов. одинъ ученый, не основывающееся на религіи, лищаетъ человѣка его достоинства и, въ лучшемъ случаѣ, дѣлаетъ его умнымъ животнымъ“. Къ воспитанію умнаго животнаго часто и стремятся теперь направить школу. Потому-то въ настоящее время приходится видѣть такой разительный примѣръ смерти духа, приводящій или къ самоубійству или къ сумасшествію. Одна только, такъ называемая, половая перепись достаточно показываетъ, какой контингентъ кандидатовъ въ психіатрическую лечебницу даетъ учащаяся молодежь. А вѣдь это все кость отъ костей, плоть отъ плоти современныхъ семьи и школы.

Не даромъ В. Гюго говоритъ: „нужно привлекать къ суду всѣхъ родителей, посылающихъ дѣтей въ школы, на дверяхъ которыхъ стоитъ подпись: Законъ Божій здѣсь не преподается“. Потому-то школьные воспитатели, исполняя возложенный на нихъ долгъ воспитанія ввѣренныхъ имъ дѣтей, со страхомъ должны взирать на этотъ домъ—это для нихъ „memento mori“

Безъ вѣры въ Бога, съ пустой душей, безъ высокихъ христіанскихъ идеаловъ, безъ здоровой энергіи къ благородному труду вступаютъ молодые люди въ общественную и государственную жизнь. Отсюда разложеніе общества, упадокъ нравовъ въ самомъ обществѣ.

Когда мы взглянемъ на современную общественную жизнь, то предъ нашими глазами развертывается картина такого озвѣренія, такой животной разнузданности, предъ которыми блѣднѣютъ самыя мрачныя страницы XVI вѣка. И такое озвѣреніе наблюдается не среди только темной невѣжественной массы, но и среди, такъ называемаго, образованнаго класса общества. Страшно развернуть газетный листъ: убійство, гнусное насиліе, грабежъ—вотъ что наполняетъ его съ начала до конца. Нравственное чувство притупилось. Человѣкъ звѣрь явился во всей своей наготѣ. Многіе обманываютъ себя надеждою, что эти злодѣйства только временное слѣдствіе политической борьбы, что разъ установятся иныя формы государственнаго устройства, они изчезнутъ сами собой.

Нѣтъ, здѣсь не борьба политическихъ партій, а война невѣрія противъ вѣры, зла противъ добра, анархіи противъ порядка.

Но гдѣ же спасеніе? Человѣчество уже пережило однажды крахъ умственной и нравственной жизни. Это было въ послѣдніе дни язычества, предъ зарею христіанства. Христіанство спасло человѣчество, влило въ ветхое человѣчество духъ животворящій, подняло очи его отъ земли на небо, оздоровило духовную, нравственную и физическую его живнь. Человѣчество стало юнымъ, цвѣтущимъ; началась живая его умственная жизнь; начался расцвѣтъ науки, литературы и искуствъ; человѣкъ вошелъ въ права царя природы.

Но, вотъ, отступило человѣчество отъ христіанскихъ идеаловъ, стало опять приближаться къ древнему язычеству. И опять упадокъ нравовъ, преступность, самоубійство, сумасшествіе. Иные даже убѣждались, что все человѣчество стало сумасшедшимъ, только не въ одной мѣрѣ.

Что же? Надо снова искать идеаловъ христіанства, искать царствія Божія, могущаго оживотворить человѣчество.

Пусть же это зданіе—это „memento mori“ современнаго человѣчества однихъ научитъ, другимъ напомнитъ тотъ путь, къ которому должно идти человѣчество. А путь этотъ указанъ Господомъ, сказавшимъ: „Я есмь путь и истина и жизнь“ (Іоан. 14, 6).

Пожелаемъ въ нынѣшній день, чтобы этотъ прекрасно устроенный домъ, при всѣхъ его удобствахъ, чаще пустовалъ за неимѣніемъ кандидатовъ въ него; что бы наши потомки не наполняли его. Пусть этотъ домъ будетъ только воспоминаніемъ о томъ, что въ наши дни человѣчество заблуждалось; но что оно опомнилось и, подъ вліяніемъ свѣта Христова, вышло опять на истинный путь. Аминь.

Прот. І. Беневоленскій.

Мѣстная хроника.

Закрытіе Томской Духовной Семинаріи. 30 октября, согласно резолюціи Высокопреосвященнаго Макарія, архіепископа Томскаго и Алтайскаго,—Томская Духовная Семинарія закрыта на неопредѣленное время.

Воспитанники должны были очистить зданіе Семинаріи въ 24 часа.

— —

Постоянная возня съ этими оболдѣлыми учениками-семинаристами, которымъ неймется и хочется дурить до сумашествія:—вотъ какъ они испорчены были при ректорѣ Панормовѣ!!

Бѣдные, бѣдные, родители семинаристовъ!

Агитаторы въ мундирахъ правит. чиновниковъ. Если среди фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ появляются развратители—агитаторы изъ товарищей эсъ-еровъ и эсъ-дековъ, въ нынѣшніе времена всяческихъ свободъ, неудивительно, тѣмъ болѣе, что занимается этимъ въ большинствѣ зеленая молодежь или неудачники на жизненомъ пути, люди неспособные къ серьезному труду, но любящіе хорошо пожить.

А вотъ правительственные чиновники въ роли политическихъ агитаторовъ во всякомъ случаѣ явленіе а нормальное и едвали желательное съ точки зрѣнія закона, между тѣмъ въ данное время есть и таковые, даже очень ярые, для которыхъ законъ и присяга звукъ пустой.

Въ одномъ изъ Горныхъ Округовъ Сибири есть Горный Ревизоръ, который открыто ведетъ агитацію между пріисковыми рабочими противъ предпринимателей въ довольно своеобразной формѣ, но недвусмысленно, чѣмъ, конечно, посѣваетъ вражду, могущую въ одинъ несчастный день перейти въ открытый бунтъ.

Жаль, что декларація Премьеръ-Министра П. А. Столыпина осталась мертвой. Слѣдовало бы произвести капитальную чистку въ чиновномъ мірѣ всѣхъ вѣдомствъ и освободить господъ „освободителей“ отъ обязанности полученія трудовыхъ народныхъ денегъ за приносимый ими вредъ этому народу и, слѣдовательно, Государству.

Предвыборная агитація. Томское общество обывателей и избирателей занялось усиленной агитаціей: по городу ходятъ нѣсколько молодыхъ людей (повидимому между ними есть студенты) съ предложеніемъ подавать голоса на выборахъ за кандидатовъ общества и въ тоже время домовладѣлицамъ предлагаютъ печатанныя бланки довѣренностей для уполномочія на выборы мужей, сыновей, зятевей и т. п.; причемъ усиленно просятъ провести отставнаго проф. Зубашева. Но благоразумно умалчиваютъ, что Комитетъ общества, стараясь провести г. Зубашева въ Гор. Головы, ставитъ условіемъ будущ. гласнымъ назначить головѣ 10 т. окладъ.

На своихъ собраніяхъ руководители Общ. стараются увѣрить простодушныхъ, что общество безпартійное (въ особенности за это распинается г. Г-ръ), а въ дѣйствительности выходитъ на оборотъ даже узкопартійное—чисто кадетское, почему и вредное.

Помните избиратели Думу 1902—1906 г.г.

Это прототипъ ея желаетъ возродиться.

Одно желаніе г. Зубашева получать 10 т. р. говоритъ за то, что компанія будетъ тепленькая. Быть профессоромъ и город. головой—это не одно и тоже, что блестяще оправдалось на А. И. Макушинѣ. Втянуть городъ въ полуторамилліонный долгъ, дать плохой водопроводъ, разваливающійся корпусъ лавокъ—заслуга небольшая.

Какъ только дорвется прогрессистъ до руководительства городскими дѣлами, такъ опять пойдутъ въ ходъ всевозможные прожекты, займы и займы безъ конца, что эти г.г. и обѣщаютъ, выпустивши свой проектъ (№ 231 „С. Ж“).

На бумагѣ и на словахъ все хорошо и гладко, но въ дѣйствительной жизни не примѣнимо.

Займы, высокіе налоги, да крупные оклады и такъ сидятъ на шеѣ обывателей и избирателей.

Кадеты и прогрессисты плохіе хозяева, а только говоруны, любящіе жить на чужой счетъ.

Въ высшей степени трогательный, по своей сердечной внимательности къ еврею издалъ циркуляръ по службамъ и отдѣламъ Правитель Канцеляріи этой дороги г. Тихомировъ, начавъ таковой слѣдующими вступительными словами: „По приказанію Начальника дороги я входилъ въ соглашеніе съ мѣстнымъ фотографомъ Пейсаховымъ относительно цѣны, за которую онъ могъ-бы взять снимать, требующіяся съ 1910 г. при безплатномъ проѣздѣ, карточки“ и проч.

Глубоко сомнѣваемся, что Нач. дороги приказалъ заключить это соглашеніе *именно* съ Пейсаховымъ. Все напоминающее „Пейсы“ рядомъ съ чисто-русской фамиліей „Осиповъ“ какъ-то не вяжется другъ съ другомъ. Мы склонны думать, что Нач. дороги просто приказалъ войти въ соглашеніе съ кѣмъ либо изъ фотографовъ, во всемъ-же остальномъ, при наличности нѣсколькихъ русскихъ и др. фотографовъ, въ такомъ явномъ безъ конкурренціи преимуществѣ, можно усмотрѣть только личныя симпатіи г. Тихомирова къ геніальному творчеству или инымъ заслугамъ Пейсатаго фотографа.

Къ стыду самой дороги, при томъ во всѣхъ отношеніяхъ „русской“ и со стороны тоже „русскаго“, вскормленнаго и вспоеннаго Россіей и даже рожденнаго въ священической семьѣ, печально до боли, что не нашлось настолько національной гордости, чтобы, въ угоду жидовствующей симпатіи, не постѣсниться обречь каждаго русскаго краснѣть до корней волосъ за появленіе на отечественной дорогѣ такого постыднаго соглашенія.

Впрочемъ, такіе кунстштюки на этой дорогѣ для насъ не новость!!!...

МѢСЯЦЕСЛОВЪ.

Суббота 7-го Ноября

Муч. Іерона, Преп. Лазаря; Обрѣтеніе мощей преп. Кирилла Новоезерскаго; преп. Зосимы.

Исп. об. редактора
В. А. Залѣсскій.

Изданіе Томскаго Губернскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа.

Томскъ. Типографія Дома Трудолюбія. Подгорный соб. д.